

Иван Сергеевич Тургенев

Крылов и его басни

Иван Тургенев
Крылов и его басни

«Public Domain»

1871

Тургенев И. С.

Крылов и его басни / И. С. Тургенев — «Public Domain»,
1871

«Слова «третье издание», относящиеся к выходу басен Крылова в прекрасном переводе г. Рольстона, звучат особенно приятно для уха каждого русского, так как они показывают, что английский читатель начинает интересоваться его родной литературой, жизнью и характером его народа, которые до сих пор рассматривал лишь с политической точки зрения. Что касается самого Крылова, то он, без сомнения, вполне заслужил всё то внимание, которое ему оказывают. Это единственный оригинальный баснописец, появившийся со времени Лафонтена...»

© Тургенев И. С., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

Krilof and his FABLES. By W. R. S. Ralston. Third edition, greatly enlarged	5
Перевод	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

**Иван Сергеевич Тургенев
Крылов и его басни. Пер. В.
Р. Рольстона. 3-е издание,
значительно расширенное**

**Krilof and his FABLES. By W. R. S.
Ralston. Third edition, greatly enlarged**

The words «third edition» are particularly agreeable to the ears of a Russian, in connection with this issue of Mr. Ralston's excellent translation of Krilof's fables, as they prove that English readers are beginning to feel an interest in the literature of his country, and in the national life and character which they have hitherto only contemplated from a political point of view. And Krilof certainly deserves all the attention thus bestowed upon him. He is the only original fabulist who has appeared since La Fontaine; and though he does not, perhaps, equal the exquisite grace of the inimitable Frenchman, though he has fewer sly strokes of wit, less cunning simplicity in telling a story, he has, on the other hand, more originality of invention. His observant good sense penetrates to the roots of things, and he possesses a genuine kind of phlegmatic humour which betrays the Oriental element in Slavonic nature. In his birth and all the circumstances of his life Krilof was as Russian as possible: he was essentially national in his ways of thinking, feeling, and writing; and it may be maintained without exaggeration that a foreigner who has carefully studied Krilof's fables will have a better idea of the Russian national character than if he had read through all the travels and essays that attempt to describe it. Russian children learn Krilof by heart as French ones do La Fontaine, without entering into all the wisdom of his teaching, but in later life they return to him with double profit. Like La Fontaine, but to a still greater degree, Krilof has supplied the public conscience with a number of precepts and adages and sayings which have become proverbial even in the mouth of unlettered peasants; no one is oftener quoted than he, and, like the Bible and Shakespeare in England, those who quote him have often no idea of their obligation – proof positive that his work has been completely absorbed into the national popular life from which it sprung. The present day offers no higher reward to literary ambition than this faint reflection of the past grandeur of epic poetry, which is only great because it is impersonal.

Mr. Ralston's translation leaves nothing to desire in the matter of accuracy or colouring, and the fables which he has added are not amongst the least welcome. The short preface and memoir prefixed to the volume, and the historical and literary notes on some of the fables, have been done conscientiously and *con amore*. It will not be his fault if Krilof does not prove to be thoroughly «naturalised» in England.

Personally, the present writer remembers to have seen Krilof once a short time before his death. He had a majestic head rather massive and heavy, fine white hair, pendent cheeks, the mouth large but well formed and earnest, the eye fixed and eyelid drooping, an expression of indolence and almost of apathy on the whole face, but with intelligence and humour, as it were, showing through. He scarcely ever spoke, but listened – brilliantly, if I may say so, since his silence was accompanied by an internal sort of smile, as if he were imparting to himself a number of lively observations never destined to be given to the world.

One anecdote of Krilof has been communicated to us by the person who witnessed the incident, which throws additional light on his indolent and original character. A large and heavy picture, which hung just above the place where Krilof generally sat, had slipped from one of the

nails which supported it and threatened to fall on the head of the thoughtless fabulist. His attention was called to the danger, and he replied quietly: «Oh! I have studied the situation, and I calculate that if the picture falls, it will take a diagonal line, just clear of my head». And so, for a long time, the picture continued to hang askew and Krilof to sit under it.

I. Tourguéneff

Перевод

Слова «третье издание», относящиеся к выходу басен Крылова в прекрасном переводе г. Рольстона, звучат особенно приятно для уха каждого русского, так как они показывают, что английский читатель начинает интересоваться его родной литературой, жизнью и характером его народа, которые до сих пор рассматривал лишь с политической точки зрения. Что касается самого Крылова, то он, без сомнения, вполне заслужил всё то внимание, которое ему оказывают. Это единственный оригинальный баснописец, появившийся со времени Лафонтена. И если он не достиг неподражаемой грации своего французского предшественника, его удивительного, лукавого простодушия, то зато у него больше оригинальной выдумки, чем у Лафонтена.¹ Его наблюдательность и здравый смысл позволяют ему проникать в самый корень вещей, и он обладает неподдельным, несколько флегматичным юмором, который указывает на восточный элемент, присущий славянской натуре. С самого детства Крылов всю свою жизнь был типичнейшим русским человеком: его образ мышления, взгляды, чувства и все его писания были истинно русскими, и можно сказать без всякого преувеличения, что иностранец, основательно изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем если прочтает множество сочинений, трактующих об этом предмете. Русские дети заучивают наизусть басни Крылова, как французские – басни Лафонтена, но они не в состоянии понять заключенного в них глубокого смысла. Лишь вернувшись к ним позднее, они постигают их мудрость, и это приносит им двойную пользу. Подобно Лафонтену, но в значительно большей степени, Крылов обогатил общественное сознание множеством наставлений, пословиц, изречений, ставших поговорками и вошедших в язык даже неграмотного крестьянина. Никого не цитируют так часто, как Крылова, и, подобно тому, как это случилось с Библией и Шекспиром в Англии, те, кто цитирует его, часто даже не подозревают, кому они обязаны тем или иным выражением. Нужно ли лучшее доказательство того, что произведения Крылова всецело вошли в народную жизнь, то есть возвратились к своему первоисточнику. В наши дни литературное честолюбие не может желать более высокой награды, хотя это лишь слабое отражение прошлого величия эпической поэзии – великой именно потому, что она безлична (*impersonal*).

Перевод г. Рольстона не оставляет желать ничего лучшего в смысле точности и колоритности, а добавленные им в этот сборник басни лишь послужили его украшением.² Коротенькое предисловие и биографический очерк Крылова, которыми Рольстон снабдил свою книжку, а также исторические и литературные замечания к некоторым басням сделаны добросовестно и даже с любовью.³ И не его вина, если Крылов пока еще не «натурализовался» в Англии.

¹ ...у него больше оригинальной выдумки, чем у Лафонтена. – Лафонтен (1621–1695) – французский баснописец, соединивший в своем басенном творчестве античные образцы с народной традицией.

² ...добавленные им в этот сборник басни лишь послужили его украшением. – В специальном предисловии к 3-му изданию Рольстон отмечал, что количество переведенных басен в этом издании по сравнению с каждым из предыдущих увеличено на 55. Среди вновь включенных басен были «Лев и Волк», «Обезьяны», «Ягненок», «Крестьянин и лисица», «Крестьянин и змея», «Парнас», «Лебедь, рак и щука».

³ Коротенькое предисловие ~ сделаны добросовестно и даже с любовью. – Помимо «Предисловия к 3-му изданию», переводам предшествовало общее предисловие, в котором Рольстон, давая высокую оценку басен Крылова, останавливается на прозаической форме собственных переводов басен в отличие от формы стихотворной, бытовавшей в Западной Европе. Автор одной из рецензий на перевод Рольстона писал по этому поводу: «Ни один читатель не может не признать, что г. Рольстон поступил мудро, решив передавать в переводе точный смысл оригинала, не жертвуя смыслом басен в угоду ритма и рифм» (*The Athenaeum*, 1869, № 2154, 6 february, p. 204). До перевода Рольстона были известны прозаические переводы нескольких басен Крылова на английский язык, выполненные Сатерлендом Эдвардсом (см.: *Edwards Sutherland. The Russians at home: unpolitical sketches. London, 1861*). Текст ряда басен Рольстон сопроводил объяснительными примечаниями исторического и этнографического характера.

Пишущий эти строки припоминает, что видел Крылова незадолго до его смерти.⁴ У него была величественная голова, несколько массивная и тяжелая, прекрасные седые волосы, немного отвислые щеки, большой, но правильный и серьезный рот, неподвижные глаза с полуопущенными веками, ленивое, почти апатичное выражение лица, сквозь которое просвечивал живой ум и юмор. Он почти не говорил, но слушал – блестяще, если можно так выразиться, ибо его молчание сопровождалось чем-то вроде внутренней улыбки, как будто, наблюдая, он делал про себя много замечаний, которые, однако, никогда не собирался поведать миру.

⁴ ...Пишущий эти строки ~ никогда не собирался поведать миру. – О встрече с Крыловым Тургенев вспоминает также в очерке «Гоголь», включенном в состав «Литературных в житейских воспоминаний» (см. наст. изд., т. 11).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.